

ДАВНЕЕ СЛОВО УПСКРУЛИ

Арсен ТИТОВ **Новелла**

Арсен Титов закончил исторический факультет Уральского государственного университета. Член Союза российских писателей, с 1998 года председатель правления Екатеринбургского отделения Союза российских писателей. Автор восьми отдельных изданий прозы и многих публикаций в периодических изданиях Москвы, других регионов России, ближнего и дальнего Зарубежья. Лауреат Всероссийской премии имени Д.Н. Мамин-Сибиряка, губернатора Свердловской области и некоторых других литературных премий.

Утро началось сумерками. Саша их почувствовал сквозь сон, как было в послесвадебную батумскую пору. Тогда они сняли комнату - большую, высокую с огромным ковром и плесенью. Солнца в ней не полагалось, потому что смотрела она не в ту сторону, и через соседнюю крышу, сквозь виноград и эвкалипты из нее можно было увидеть только опять крыши, эвкалипты и виноград. К такой комнате им досталось еще и ненастье.

Сегодня жена уезжала погостить к подруге - на две недели, то есть на четырнадцать дней, на триста тридцать шесть часов. Любый подсчет результатом имел одно - жена уезжала надолго, едва ли не навсегда. Саша с тоской погладил жену по горячему животу и с привычной обязательностью ощутил в себе молнию.

Жена от прикосновения проснулась, сначала спросила про сумерки, потом обняла Сашу, потом побежала в службы, на ходу распределяя ему полежать еще, а себе - позаботиться о завтраке.

Саша лежать не любил. Он встал и поглядел на дождь за окном. Он снова вспомнил батумскую поездку. Он знал, что жена осталась поездкой недовольна - и погода не ахти, и хозяйка, и питание, и, самое главное, она где-то там, то ли у хозяйки в умывальнике, то ли в море оставила обручальное кольцо. Примета, говорят, нехорошая. Но вот они с ней, с приметой, и без него, без обручального кольца, прожили семь лет. Между прочим, хорошо прожили.

Саша подошел к ванной и стал подглядывать за умывающейся женой. С батумской поры она чуточку округлилась, как бы дозрела. Теперь зрелая, она тянула его к себе гораздо больше. Он загорелся и вошел в ванную. Но жена его только расцеловала, от остального же отказалась, пообещав перед уходом на вокзал выкроить время - а сейчас ей надо быстро сбежать по делам, он ведь знает.

Саша умылся и пошел поднимать детей, крепеньких и в мать красивых сына с дочерью. Сын проснулся сразу. Дочь же не хотела открывать глаза и только грациозно потягивалась. Саша снова поглядел в окно. Там от дождя разбухал загаженный строителями пустырь. Саша так и сказал - пустырь. И ему вспомнилось созвучное батумское слово, то есть не слово, слово-то он забыл, а вспомнилось, как он в Батуми узнал созвучное пустырю их слово. Значения этого слова в памяти тоже не удержалось. Было прекрасных три или четыре солнечных дня. Они много купались. А помыться после купания было негде. Густые волосы Саши встопорчились гривой - в общем-то довольно импозантно, что-то похожее на Баха или известного революционера Каландаравили. Но местный молодой люд, равный молодому люду всех стран, беспрепятственно и беззастенчиво на него оглядывался, часто отпуская своеязычные замечания.

Однажды Саша не стерпел. Толпа молодых людей опять не пропустила его без замечаний, довольно обидных, чего не понять мог только полный идиот. И Саша подошел к толпе. Молодые люди смолкли. Лезть в бутылку Саша не собирался. Но и оставлять без внимания пусть и иноязычные, но шуточки ему надоело. Следовало

как-то отреагировать - хотя бы для собственного успокоения. Он и отреагировал. Он подошел к молодым людям, поздоровался, на что они дружно ответили, и спросил первое пришедшее на ум. А первым пришло на ум спросить о том, что написано на афише, около которой молодые люди стояли.

- Какое сегодня кино? - спросил он и показал на афишу. Ему с охотой растолковали.

Он заодно поинтересовался еще несколькими обиходными местными словами, на все получил совершенно вежливый ответ и после небольшого базара о том и о сем расстался с молодыми людьми загадочными приятелями, так что впредь они издали его приветствовали и даже спрашивали, не досаждают ли ему какой-ни-

- Может быть, я не права, - сказала она. - Но ты меня сейчас обвинил в скупердяйстве!

- Какое скупердяйство! - внутренне закричал он, различая в ее голосе до холода отъединяющую силу.

Он ничего не мог понять. Он только видел, как она отшатнулась и выбежала, будто была чужой женой, и их застал ее муж. Он видел и вспомнил батумское слово. А теперь еще различил отъединяющую их друг от друга холодную силу.

- Зачем ты мне такое пишываешь? - ничего не нашел сказать он лучшего и понял, что к отъединяющей силе прибавил свою долю.

- Потому что ты никогда не хотел меня утешить! - сказала она.

друг друга? - спросила жена и сама испугалась, потому что вдруг засуетилась, спрятала глаза: - Ой, Саша, я же опаздываю по делам! - и все такое прочее до самой двери.

Только перед тем, как захлопнуть ее, она остановилась. Что-то остановило ее.

- Я быстро. А ты дожись меня! - попросила она.

Саша кивнул. Но лишь за ней захлопнулась дверь, он взялся собирать вещи - самые необходимые, имея в виду только то, что они должны уместиться в небольшую сумку.

Дети спросили, куда он. Он остановился - и впрямь, куда же?

- А вот есть такое дело - упскурули,- посадил он обоих на колени.

будь недоумок, потому что если он досаждают, то горе его матери - так молодые люди этого недоумка научат уважать других. Саше абсолютно никто не досаждал, потому что он успокоился и просто не обращал внимания - смотря на его гриву или не смотря, а если и смотря, то как смотря. Но они спрашивали, и Саше иногда даже становилось не совсем комфортно, ибо он не мог молодым людям дать проявить их дружеские к нему чувства.

Жена, конечно, того слова с афиши помнить не могла. Однако он пошел к ней на кухню, спросить ее если уж не о слове, то хотя бы о той батумской поре, помнит ли она, как дождливые утра там очень походили на сегодняшнее. Жена сравнение подтвердила, но как-то поубавилась в настроении и объяснила, что там ей не понравилось.

- Помнишь, как ты переживала из-за кольца, а я тебя утешал? - спросил Саша.

Жена посмотрела на него удивительно странным взглядом и вдруг расплакалась, да так по-бабьи безнадежно, что он тотчас с испугом увидел между собой и женой бездонную пустоту, пришедшую к нему фразой: "Какая между нами открылась бездна!" Следом же он просто ошарашился, потому что жена отшатнулась от него и выбежала из кухни, как если бы он был ей чужой, и их застал ее муж.

Она выбежала, а он, ошарашенный, остался и вдруг взялся бесстыдно вспоминать батумское слово с афиши. То есть "бесстыдно" - это не совсем точно, потому что ему стыдно было стоять и вспоминать, но он ничего иного не делал, а только стоял и вспоминал. Вот это-то и было бесстыдным.

Тихонько вернулась жена. Она остановилась в дверях - чужая, какой он ее никогда не знал. Он подошел к ней и ничего не смог сказать. Она подождала и заговорила сама.

И эти слова он принял с ошеломляющим открытием. Вот так враз, от двух мало что значащих или вообще ничего не значащих слов он открыл, что их жизнь вместе более невозможна, потому что в их жизни появился третий.

- Упскурули! - вспомнил он наконец батумское слово.

- Что? - спросила она с заметной тревогой, которая лишь подтвердила его открытие.

- Слово, обозначающее бездну,- объяснил он.

Она вновь заплакала - и вновь безнадежно. Саша оперся о стену и хотел подумать, что ему теперь делать. Но в голове было только это слово "упскурули". Оно не давало что-либо придумать. И он понял, что ничего не придумает, потому что уже все за него придумано и недалеко оставалось до того дня, возможно, четырнадцать дней, триста тридцать шесть часов, когда ему будет об этом сказано.

- Почему ты никогда меня не утешал? - жалобно спросила жена.

- А он? - спросил Саша.

Она непрестительно долго молчала. Глаза ее переменной цвета и внутренней подвижностью напомнили батумское море. Поначалу Саша увидел в них страх и обреченность, потом стальную горячую молнию, а потом спокойный холод.

- Как ты смеешь! - в непреклонной воле сказала она.

Саша улыбнулся. Ничего более ему не оставалось. Он улыбнулся. Он отчетливо чередой вспомнил всю совместную жизнь, открывшуюся ему по-новому.

Жена взяла себя в руки.

- Ведь ты пошутил? - сказала она. - Ты пошутил, а теперь пожалей меня!

- Я жалею тебя! - сказал он совсем в ином смысле, которого она не поняла.

Она потянулась целоваться. Он вытерпел и порадовался тому, что она сегодня уедет.

- Мы ведь сможем понять

ЕКАТЕРИНА ФОРОНДА, Нью-Йорк

***

Скитаться по белу свету.
Работать, не жить - забыться.
Бороться с собой, обезумев,
Иль птицей о скалы разбиться.

Кольцо не наденешь на палец.
Оно не привяжет навечно,
Чтоб жить, как сыр в масле кататься,
Красиво, с размахом, беспечно.

Бегу ли, лечу без оглядки,
Назад возвращаться нет смысла.
Прощальная горькая нота,
Во времени где-то повисла.

И спросит путник случайный:
- Зачем тебе, девочка, это?
Я улыбнусь, но больше,
Ему не дожидаться ответа.

***

Зелёное море
С волною в три фита.
И сердце на блюде -
Амуром разбито.

Живой натюрморт,
И уже не по-детски
Вам - Марш Мендельсона,
Мне - кофе турецкий.

Мой грустный Амур
С ядовитой стрелой.
Салюта не будет!
Идёмте домой...

Любовь

После графов и принцев, и лихих королей,
Что любили меня и боготворили,
Я пришла к тебе,
Рыцарь лугов и полей.

И обитель твоя - не роскошный дворец,
Там не слуг и не слышно о званных обедах
Но с тобою Любовь
Я нашла наконец.

Не нужны мне шелка, серебро и алмазы,
Я к тебе в измеренье иное шагнула,
Где я жду твоих рук
И единственной фразы...

НАТАЛИЯ ЕСИНА, Нью-Йорк

Астры

Per aspera ad astrum

Длинная дорога
Позади меня
Было на ней много
Хлада и огня,
Долгие подъёмы
И паденья вниз,
В общем всем знакомо
Это слово - жизнь.

Улетел ракетой
Ко своей звезде,
Далеко он где-то
В звёздной вышоте...
С ним мне было горько,
Без него - вдвойне
Спрашиваю, сколько
Дальше слёз лить мне.

И со мной любимый
Шёл свой долгий путь,
Но всё как-то мимо,
Рук не дотянуть.
Или впереди он,
Или позади,
А я все стремилась
Ближе подойти.

Я не вижу тропки,
Некуда идти.
И прошу я кротко:
"Сверху посвети".
Если нет -
Пусть прах мой
В землю упадёт,
Осенью ненастной
Астрами взойдёт.

Сколько сил я, крови
В жертву отдала
Для своей любви -
Но не сберегла.
И не удержала,
Сколько ни борись.
Он в конце начала
Оттолкнулся ввысь,

Звезды - те же астры,
Но не на земле.
Пусть же не напрасно
Так любилось мне!

Я по горстке собирала счастье

Я по горстке собирала счастье
Каждую крупичку берегла.
Потеряла все я в одночасье,
За пятак все медный отдала.

Вольным соколом легко я полетела
За свободой призрачной. И вот,
Получила все, что захотела.
Рядышком тоска со мной живет.

Неназойливо живет. Бывает,
Вроде есть тоска, а вроде нет.
Только тех душа не забывает,
Кто со мной не рядом много лет.

Будут новые подарки и покупки,
Будут новые подруги и друзья,
А мои поступки, как проступки
Будут мучать памятью меня.

Начинать всегда не так уж просто,
Только надо снова собирать
Счастье по крупинкам и по горсткам.
Праздник нашей жизни продолжать.